
Игорь КУЛЬКИН

ТВИТТЕР-БОЙ

Рассказ

1

Да благословен изобретатель Твиттера! И будь проклят вчерашний день...

С содроганием Георгий Цыплухин открыл ноутбук. Точно! Сбылись кошмары, самые мрачные. Все испещрено обрывочными фразами, слетевшими вчера с клавиш в нестерпимом азарте. В святом месте, в самой сердцевине его блога, заплетались корявые, несуразные мысли — лучше бы ему отсекали пальцы, набравшие эти отравленные слова!

— Какая белиберда! — воскликнул Георгий, прочитав свои последние твиты. Внизу светились комментарии, колкие и обидные для автора.

— И не спится же идиотам... Всего ночь проморгал, а теперь и удалять бессмысленно...

Недоразумение, выверт, подлость! В памяти болтались, как поплавки, отрывочные видения минувшего вечера. Вот он заходит в квартиру — и прямо на входе ему вручают водку с апельсиновым соком в массивном бокале... Квартира чужая, ее содержит друг Апанасов... Проходит в зал, а там, на диванах, скопище молодых людей... и пьют, чувствуются, не первый час. А вот и хозяин, Апанасов, — приобнял и гаркнул в самое ухо:

— Ну, начиркал что-то дельное? Сейчас читать пойду! Отдыхай — заслужил!

Понеслось веселье. Громко ударяла музыка. Одна из подруг Апанасова, с трудом вскарабкавшись на журнальный столик, пыталась танцевать, взбрыкивая ногами. Носатый студент, глубокомысленно изучая собеседницу, сидя рядом на диване, непредумышленно поцеловал ее и получил пощечину. Но не стусевался, поцеловал снова — и на этот раз обошлось без рукоприкладства. Прислонившись к шкафу, молодой человек с закрученными усами читал во весь голос Окуджаву. Время от времени ему аплодировали. За диванами, у стены, курили и хохотали. Ближе к полуночи Апанасов забрался на подоконник, встал в рост и закричал:

— Граждане! Минуту внимания неимущему! Отвлеку вас от всего сущего!

Все понемногу затихли.

— Вот вы живете, не чувствуя страны, и горя вам мало. Сколько раз говорил, что отвернуться от своей мечты — самое пагубное дело!

Оживленно заговорили. Послышались возгласы одобрения.

— Мы здесь коптим небосвод не первый месяц, а что мы совершили? А пора ввысь, в горние миры! Я рву на части свое самомнение, готов быть рабом и пресмыкающимся, но во имя мечты! А что нам подсовывают вместо? Скудный сурро-

---

Игорь Евгеньевич Кулькин родился в 1979 году. Окончил Волгоградскую академию государственной службы. Участник XIII Форума молодых писателей в Липках. Публиковался в областных периодических изданиях и в журнале «Дон», автор трех книг прозы. Живет в Волгограде.

НЕВА 1'2014

гат! Где великие открытия, где широта помыслов? Я не хочу потратить жизнь на внедрение электронных услуг в бытие нации! Оглянемся — мы уже не молоды, и совершать великое — поздно! Надо рваться сейчас, пока кровь горяча!

Аплодисменты громыхнули и замерли. Апанасов помолчал.

— Но вы-то, друзья мои, — заговорил он тише, — знаете прекрасно, что это все пустые слова, выброшенные на потеху ветру. Ведь ни один из вас не двинется, если возникнет потребность жертвы, одухотворенного поступка! Сразу вспомните про свои теплые квартиры, про уютный быт... А были люди, презиравшее пошлое местечковое существование! Не могли жить без идеи, рвали все путы. Мы вряд ли такие.

Донеслись возражения.

— Не ругайтесь, прошу вас, — поднял руку Апанасов. — Это ведь так понятно: привязанность тела рано или поздно привязывает и дух к диванному плену, к комфорту. А для тех, для бывших людей, комфорт был адом! Они бежали его как величайшей опасности! А мы выродились: плодим мелкие несогласия, кусаем за ноги, как шавки. Ну хоть так! Вот и мой вклад, друзья! Достал личный номер губернатора. Давайте разбудим толстосума! Ведь не спит же он нынче, бодрствует во имя нашего края! Ну-ка...

И он вытащил сотовый телефон.

— Не берет трубку! Спит, курва... Еще раз... Господин губернатор! Рад приветствовать! Это беспокоит вас нетребовательный гражданин... По вопросу общественному... Трубку бросил. Ладно, завтра еще звякнем, с другой симки! Друзья, не теряйте азарта! Не повинуйтесь нигде! Бейте их хоть в социальных сетях, приходите на митинги! Сражайтесь! Чтобы не заскучали у меня! Гуляй!

И Апанасов прыгнул с подоконника. Опять поддали музыкального жара, закрутились танцы. Гремевший дом стал замолкать ближе к трем часам ночи, гости разошлись. Георгий чувствовал, что день не совсем удался, осталась в нем недосказанность. Зашел в магазин, притащил домой четыре бутылки пива и чипсы, уселся перед ноутбуком. Но общение в чатах не пошло. То ли водка, выпитая на вечеринке, горячила кровь, то ли разговоры, слышанные там, раздражили разухабистым лоском. Георгий вышел в свой блог — и понеслись удивительно ясные мысли. Пробуждение гражданского разума, которое он пророчил в твитах, показалось ему невероятно уместным. После третьей бутылки голова кружилась от осознания, что и он вносит свой вклад... Потом свалился, сознание улизнуло, как пронырливый кролик. Утром с содроганием глянул в экран... Отвратительно мерцали топорные фразы, в ночи гремевшие, как гимны! И ужас в том, что все наведывавшиеся в блог, прочли эту галиматью! А он-то содержал блог в логической чистоте, гордился здравым смыслом, цепко ловил актуальные мысли и обсуждал их чинно, со знанием жизни. И вот — такое...

Георгий заметался по комнате, замечая раздражающие подробности. Выстроившиеся в ряд пустые бутылки с пивом — как молчаливая улика... Захлопнул форточку, выругавшись за вчерашнюю беспечность: всю ночь проспал на полу, обвеваемый ночным городским ветром. Невыносимо захотелось на улицу, подальше от пивного запаха, который, несмотря на открытую форточку, пропитал всю комнату.

На улице было свежо. Подрагивая в шагах, Цыплухин прошел по скользкой дорожке, расплывшейся от недавнего дождя, мимо школьного забора. На другой стороне, возле остановки, обозначился Андрей Голубев. Бывший одноклассник, видимо, побрел по пиву и наверняка не читал его страницу... Георгий, изображая циничную лень, поплелся навстречу.

— Ага, — крикнул Андрей, — Жорж Иваныч!

Обращение насторожило — долгие годы его называли Георгием, только для собратьев по Интернету он был просто Жоржем.

В обычной жизни Георгий Цыплухин не покорял воображение. Был он невысок, чуть нескладен, застенчив и крайне доброжелательно улыбался. В чатах же был известен дерзкими, почти революционными речами, неумной энергией в общении оплошностей, которые поминутно совершала нерасторопная власть, беспощадностью в оценках и суждениях. Георгий гордился своей независимостью и втайне полагал, что сатрапы в погонах уже следят за ним, опасаясь его вольнодумства. Напал он на вольную дорогу случайно: услышал о чудной программе — Твиттере, одеваясь перед телевизором. Заинтересовался — на экране показывали одного из президентов страны. Тот своими маленькими, словно детскими, ручками увлеченно шелкал клавишами ноутбука. Услужливый комментатор немедленно пояснил, что идет работа над сообщением в Твиттер. И уже через несколько секунд его прочитают во всем мире. Мысль, едва только появившаяся, тут же улетела в бескрайнюю вселенную, где ее будут пестовать сотни умов!

Цыплухин никуда не пошел — остался дома и засел за ноутбук. Зарегистрировался в Твиттере. И уже к вечеру писал первый твит — как вольная птица, полетела мысль! С тех пор он каждый день набирал короткие фразы — Твиттер не принимал многословия, там нужно было выжимать мысли, оставляя самую суть. Георгий гордился умением высказаться, не впадая в рассуждения, неотразимо уколоть словом. Но вчера! Треклятый алкоголь!

— Жорж, — тем временем не унимался Андрей, — проснулся гражданский разум?

Буркнув приветствие, Георгий свернул с дорожки и пошел через лужу, хватанув в ботинок воды. «Что же это, — думал Цыплухин, — даже Андрюха в курсе... Под каким же он там именем обитает?» Был среди его подписчиков в Твиттере странный персонаж под ником «Вислоухий скепис». Именно в нем Георгий заподозрил Андрея и, оглядываясь на Голубева, который ослабился и махал рукой вслед, радовался, что тот не пошел следом. Еще одно обстоятельство заставляло теперь бродить в стылых лужах — Аня... Он дал ей свой адрес в сети! Свою страницу! Она заинтересовалась. Зайдет — а там... Он стал ругать себя, как это всегда делал, тщательно обходя матерные выражения, которые с легким презрением сохранил в памяти с детства. Пинал собственное невежество: зачем взялся за тему на нетрезвую голову?.. Вчера, когда их познакомили, он поразился нищете ее глаз. Они были бледные, совсем бесцветные. В ее взгляде он словно разглядел осенние парки, в которых свищет ветер. А она стояла перед ним, как разложенная лестница с высокими ступенями, — возвышалась на целую голову. Краснощекий весельчак Апанасов увел ее танцевать и громко заливал в уши казенные речи про красоту фигуры и несомненное обаяние. Георгий выждал, когда танец закончился, подсел к ней на диван. Она рассказала, что работает в избирательном штабе либеральной партии... нравится, интересно... радуется и движуха, и экшн, которые дают выборы... Голос у нее был немного гундосый. Георгий, записывая номер ее мобильного телефона, в ответ продиктовал адрес своего блога. И вот теперь такой прокол! Ему всегда нравились высокие женщины, и Аня, брюнетка, не чуждая алкоголя и сигарет, легко возбудила в нем хмельное любопытство, оно и нынче не прошло. Цыплухин решил, что обязательно встретит ее снова у Апанасова, — и отправился в гости.

Тот жил неподалеку от набережной, в самом центре города, в тех завидных домах, где в прежние годы обитали партийные бонзы и прославленные артисты. Как ухитрился Апанасов занять квартиру в таком престижном месте, история умалчала, однако сам хозяин намекал, впрочем весьма туманно, о могущественных те-

тушках и влиятельных бабушках — но кто именно его благодетельствовал, так и осталось загадкой.

2

— Ты чай будешь или кофе? — зычно спросил Апанасов, отворив дверь. — Вижу — доволен! Опять нащебетал что-нибудь умное, признавайся!

— Чай, — подумав, ответил Георгий и переступил порог.

Квартира представляла причудливое сборище неуместных вещей. Прямо посреди комнаты, заслоняя рояль, стояла статуя Афродиты с обрубленными руками, раскрашенная в цвета российского флага, а на длинном ковре поместились урны из соседнего парка — монументальные бетонные урны с лепкой. Апанасов именовал их «пепельницами»; притащили их в разгар вечеринки, загоревшись дикой идеей — и без промедления воплотив ее. Наутро сил тащить обратно уже не было — так и оставили. В зале было три дивана, заваленных журналами и одеждой, на кухне — барная стойка, перегруженная пустыми бутылками.

На столе от тараканов шуршала бумага — Георгию казалось, что насекомые ползают, не опасаясь дневного света. Однажды он остался у Апанасова на ночь и сильно пожалел — проснулся от того, что таракан полз по лицу. Чувство омерзения преследовало его до утра — он так и не смог сомкнуть глаз. Хозяин не заботился о мелочном комфорте. Апанасов, готовый любого заткнуть за пояс красноречием, был выше житейских дрызг. У его характера было такое свойство, что чем больше на него нападали, тем сильнее он становился, и никому еще не удавалось одолеть его ни хамством, ни холеными аргументами. Это свойство восхищало Георгия — он, когда встречал активное сопротивление, обычно скисал. Апанасов же мог спорить без перерыва с кем угодно — мог провести ночь за чашкой остывшего чая, доказывая попавшемуся собеседнику парадоксальность, к утру становившуюся пресной. Апанасов словно был создан для таких ночей: он поднимался из-за стола полный сил; гораздо хуже ему приходилось, когда изнывал от недостатка общения. Он любил говорить под пиво, и по всей квартире валялась чешуя чехони, обрывки колбасной кожуры, упаковки из-под чипсов. А хозяин, нимало не смущаясь беспорядком, доказывал очередному приятелю, смакуя эпитеты, бестолковую сущность нынешнего государства и необходимость немедленного взрыва, гораздо более мощного, чем ядерный.

Иногда, особенно при быстротечном знакомстве, его можно было принять за бесталанного хама, горланящего чужие слова, а за душой не имеющего ни звука. Однако первая мысль скоро отступала. В квартире повсеместно попадались книги, иногда в самых неожиданных местах: на антресолях, на балконе под связкой газет, на кухне под раковиной. И как убедился Цыплухин, хозяин тщательно прочел разбросанную библиотеку и каждую мысль пестовал, пока она не становилась его собственной. Сам Апанасов говорил, что совесть свою нашел обыденкой — проездом в город Серафимович. Тогда компанию, ехавшую в монастырь в паломническом порыве, завернула милиция. В чем там было дело, кого искали — осталось неизвестным. Но непревзойденное хамство милиционеров и то, что одну из подруг едва не изнасиловали в туалете, пользуясь своей безнаказанностью, потрясло Апанасова настолько, что еще долго весь мир для него был пуст, даже собственный ум воспринимался как выжженная пустыня. Они вернулись тогда злые и готовые на глупости. Друзья пошли и закидали яйцами отделение милиции. Апанасов остался дома. Ни с кем не говорил, забросил друзей, читал книги и курил в форточку. А однажды ехал в троллейбусе — и состоялся, по его словам, «случай, перевернувший

жизнь». По салону ползла кондукторша, отщипывая билеты. Двое пареньков — если не школьников, то только-только студентов — увивали от оплаты. Показалось, они были чуть навеселе. Кондукторша костерила их за гранью приличия. Те отвечали в такт. Хлесткие выражения летали, как перчатки, в обе стороны. Тут к паренькам придвинулся мужик — плотный, хищно оскалившийся мужик. Облокотившись на перила, он высказывал пацанам, и те менялись в лице — один вышмыгнул на остановке, другого мужчина удержал за ворот и ткнул кулаком под ребра. Пацан побледнел и кивнул. Апанасов, долго наблюдавший за этой несправедливостью, не выдержал. Шагнул по проходу и, не говоря ни слова, врезал мужику в ухо. Тот охнул, но руки не ослабил, и Апанасов ударил снова.

Только тогда мужик разжал руку, достал удостоверение. Пацан выскочил на остановке. Они тоже вышли. Зашли в сквер, сели на лавочку.

— Нападение — штука тонкая... Зачем ты это сделал — кто тебя знает. Может, в сговоре с ними? — говорил чекист безразличным тоном. Весь этот тягучий разговор настолько уязвил Апанасова, что он еще долго вспоминал глаза чекиста, совершенно безжизненные глаза. Чекист внушал ему разумные вещи — но в тоне чувствовалось такое откровенное презрение, словно перед ним была бессловесная вещь, а не человек с живой душой. Апанасов смотрел вниз, на подтаявшую землю, на едва проступавшую морщинистую траву. Понимал, что стал для чекиста обыденным найденышем — полез защищать малолетку... да еще ударил... Слушая слова, казавшиеся отравленными, он все-таки вывернулся; а скорее, у чекиста было благодушное настроение — он отпустил его. Всего лишь за купленный в магазинчике коньяк, хоть и дорогущий, но всего лишь коньяк, Апанасов ушел целый. Он понял, что все устроено не так, как должно, что любой благородный поступок обязательно будет наказан. И ушел — в тихое, недовольное всем сопротивление, приведшее в стан непримиримых, затаившихся до времени, но ждущих своего часа.

— Кофе неповторим, — сказал Апанасов, когда Георгий зашел на кухню и сел за стол. — Он великолепен, как близость чужих женщин...

— Я же чай просил, — улыбаясь, напомнил Цыплухин, но Апанасов даже не услышал. Он весь был в своих мыслях, несшихся, не разбирая пути.

— Ко мне тут забралась мечта, — говорил он, — такая, знаешь, незваная гостья... Но я ей очень рад, по странной случайности.

Георгий знал, что Апанасова нельзя торопить. Сам все расскажет, но в свое время. Сейчас надо молчать. И Цыплухин терпеливо ждал, оглядывая кухню. Снял и протер тощие очки. Удивительная причуда случая, что они познакомились с Апанасовым! Знакомство случилось, как ни странно, на пляже. Народ весело праздновал гулящую пятницу, а Георгий с подругой, давней, школьной, выбрались на пляж. Искупались, взяли пиво в киоске под навесом. Не спеша разговаривали, солнце заходило. Рядом, на двух шезлонгах, отрывались двое парней из Екатеринбурга. Они и с горки скатились, и на моторке носились...

А потом стали приставать к девчонкам, пребывавшим на соседнем полотенце с банками пива. Шутили: «Мы, суровые уральские парни...» Им отказали. Парни начали потихоньку, но злиться. Тут к ним и подсел Апанасов. Откололся от своей компании, шумевшей по соседству, учуял конфликт. Высокий, краснощекий, голубоглазый. И он их уболтал, конфликт исчерпался. Выпил с ними пива.

«Все путем, — говорили ему уральцы, — и у вас тут есть пацаны, оказывается...»

И так у него четко получилось, что Георгий не поленился, подошел.

— Я о вас в своем блоге хочу написать, — сказал он тогда, — как о ярком представителе гражданского разума...

Апанасов оживился — наговорил много умных вещей о роли сетевого пространства... А спустя неделю, уже написав о нем в блоге, Георгий увидел Апанасова в кафе «Черная зебра», выпивавшего в шумной компании. Апанасов обрадовался ему, как любимому родственнику. Вечер они заканчивали в этой квартире, веселой прорвой, душой которой был Апанасов. С тех пор Цыплухин вошел в круг людей, посещавших квартиру, — а он непрерывно множился новыми лицами, уследить всех было трудно.

— Смотрел я выдумки новостей, — продолжил тем временем Апанасов. — И что-то грустно мне стало. Многим наши чиновникам слишком дорого обходится бракоразводный процесс с собственной совестью... И нам вместе с ними тоже не дешево...

— Политика... Опять... — констатировал Георгий, а Апанасов почти выкрикнул:

— Да! Она! Куда же без нее? В России без нее теперь не обойдется даже самая безоблачная мысль. А как ты хотел? Сколько уже можно этой азиатской хитрости, этой игры слов и теней. Пора уже, натерпелись! Знаешь, у каждого человека есть возраст, когда заканчиваешь ругаться матом, потому что хоть и медленно, но безнадежно умнеешь. А у нас так не умеют... У нас многие ругаются, когда уже все сроки вышли. Так и власть наша. Она уже не поумнеет. Поздно.

Апанасов снял с плиты кофейник, терпеливо дождавшийся окончания мысли, не выкипевший.

— И как нам быть, тем, кто поумнел вовремя? Терпеть этого правящего неуча? Не знаю, мне кажется — не выдержу...

— И что же делать? — уточнил Георгий. Он всегда во время разговоров играл роль сомневающегося — ему все приходилось доказывать. Именно этим и был симпатичен Апанасову. Тот любил противоречия и напористых спорщиков, но еще больше — интеллигентные вопросы и мягких, податливых собеседников.

Кофе был терпкий. Приноравливаясь к его вкусу, Георгий пил осторожными глотками. Апанасов, в цветастом халате, взгромоздился на подоконник. Рядом вертелся рыжий кот, любимец хозяина, и наконец уселся, повернувшись к Георгию пушистым задом. Цыплухин предпочитал собак и поморщился — его давно раздражал рыжий наглец.

— История полна доносов, — продолжал Апанасов, болтая ногами и прихлебывая кофе. — Вся история — профанация, фальшивка. Революции — неизбежность, как антибиотик, как лекарство. Ничего лучше не изобрели до сих пор. Вся вольная пошлость про консервативный прогресс — болтовня, ширма... Боятся только правды и решительных людей. И близится это время! Наше время близится!

Апанасов облизал ложечку и соскочил с подоконника. Кофе кончился. Рыжий кот встрепенулся и направился к холодильнику, облизываясь.

— Не пришло ли время яичницы? — бодро спросил Апанасов.

Это был традиционный завтрак уже много лет. Приготовление его было ритуалом, который хозяин соблюдал с неприкосновенной педантичностью.

«Пока жарится яичница, — говорил он, — обязательно родится дельная мысль! Ведь что может быть благороднее в мире, чем приготовление пищи!»

Разглагольствуя, Апанасов доставал приборы. Они были старинные и массивные — явно не советской выделки, ножи и вилки с вензелями дворянской фамилии Алентьевых, доставшиеся хозяину окольными путями, через связи в ломбарде. Апанасов гордился своей собственностью. «Как представляю, — говорил он, бывало, — какие люди этими ножичками и вилочками кушать изволили, так прямо и замрет дух от чувства причастности к истории — прекрасное чувство, кстати!»

И каждый раз выкладывал старинные вилки с длинными зубцами, ножи с чуть погнутыми лезвиями как величайшую драгоценность. Ни один предмет не пропал, хотя столько людей приходило на потчевание, что хоть одна вилочка да обязана была затеряться в нечувствительном кармане — однако все оставались на месте.

В дверь позвонили.

— Сейчас продолжим! — заверил Апанасов и, дробно стуча босыми пятками по паркету, выскочил в коридор.

Георгий поднялся следом, выглянул.

— Кто там? — спросил хозяин.

Из-за двери глухо ответили.

Апанасов пригладил рыжие волосы и открыл дверь.

Вошел парень с хилой шеей и вертлявыми движениями. Парня все звали Вьюн, имени его Георгий не знал. Несколько раз он видел его, и каждый раз возникало непонятное чувство — словно перед тобой хищник, по недоразумению выпущенный на волю.

— Присаживайся! — широким жестом пригласил к столу Апанасов.

— Хавчик есть? — быстро спросил Вьюн, опускаясь на табуретку. Был он вроде расслаблен, но во всех движениях чувствовались скрытая сила, нервная энергия, готовая прорваться и словом, и жестом.

Цыплухин, сторонившийся таких людей, и теперь попытался отодвинуться подалее.

— Как раз готовим! — лучезарно ответил Апанасов и отвернулся к плите. — Как там, путем все? — уточнил он, обращаясь к Вьюну.

Георгий отметил, что Апанасов соскочил с того высокого стиля, который выдерживал при нем.

— Идут дела, идут, — негромко, с легкой хрипотцой, ответил Вьюн.

— Реальная революция — дело простых людей, — сказал Апанасов и перевернул яичницу: всегда обжаривал с обеих сторон. — Ведь куда ни плюнь, болтунов море... Вот, господин Вьюн, — он уже явно обращался к Георгию, размахивая деревянной ложечкой, — самый настоящий революционер... непримиримый! Не хмурься, не хмурься... Ты думаешь, я тебе куклу здесь показывать буду? Это блогер известный, из наших, дядя Жорж у него погоняло...

— Лады, — согласился Вьюн и чуть расслабился, положил локти на стол.

Цыплухину польстила серьезность, с какой его представил Апанасов. Он даже увереннее взглянул на Вьюна. Тот сидел, качая на ладони дешевый мобильный телефон. Был он серьезен той непредсказуемой серьезностью, которая может обернуться и беспечным бахвальством, и настоящей агрессией. Такой любую неосторожность разговора может повернуть против собеседника, зацепиться за любую мелочь. И Георгий молчал, выжидая. А Вьюн, выставив ногу из-под стола и глядя на коричневый, протертый на носке ботинок (в квартире Апанасова никто не разувался), говорил:

— Гуляли вчера по парку. Так, ничего стремного, по мелочи. Встретили одного — шустрый оказался. Не догнали...

— Ты знаешь, как я увлекся философией Сартра? — обернулся, размахивая ложечкой, Апанасов. — Эти двое развели пацана на жесткий диск. Вы ж с Парамоном были? Ну, расскажи, что ль!

— Пацан левый был, в парке и встретился, — лениво заговорил Вьюн. — Нес диск куда-то. Ну, поделился. Зато целый ушел.

— Так вот, — снова встрял Апанасов. — Принесли они мне диск. Самим-то за-

чем? Ну, я взял, почти даром. Смотрю — а там философских книг немерено! Ну я раньше так к философии. А тут увлекся! Сутками от компа не отлипал. Все прочел. Так что тот паренек меня на философию и подсадил.

— Че для хорошего человека не сделаешь, — ухмыльнулся Вьюн.

Апанасов с размаху шлепнул яичницу на тарелку.

— Пожалуйста кушать.

Вьюн взял вилку и недовольно сказал:

— А как же согреться?

Апанасов выставил на середину стола бутылку.

— Ты прав, так не пойдет... Надо выпить!

3

— Так вы за какой женщиной занимали? Вы говорили — в темной шубе, а она в пальто!

Цыплухин обернулся на голос. Неказистая бабулька с палкой пристала к щекастому мужику в кожаной куртке. Тот мычал и отнекивался.

— Я откуда знаю? Пальто, шуба...

Очередь почти не двигалась. Цыплухин в который раз ругнул себя, что схватил вирусную инфекцию. Все-таки лежание под открытой форточкой не прошло даром. Да еще и к врачу поперся... Теперь вот кровь сдавать. А очередь вселенская. Георгий попытался забыться, закрыл глаза. Стало легче. Только голоса навязывались на слух. Никуда от них было не деться.

— Девушка, вот вы ушли, и все перепуталось! — возмущалась та же вздорная бабулька.

— Я же вам показывала, за кем я. Вот за этим мужчиной, — оправдывалась девушка.

— Вы мне другого показывали!

— Я вас вообще не помню, — донесся басистый мужской голос.

И тут — среди пустых слов — он услышал стук каблуков. Даже не открывая глаз, определил, что в коридоре появилась красивая женщина. Открыл глаза: она шла, смело и быстро, обгоняя отстающий, вздыбившийся плащ.

— Дельная фигура! — пробормотал мужик рядом, и Георгий выправился, сел прямо — а то почти сполз на сиденье.

Девушка спросила крайнего и остановилась у стены. Открыла фиолетовую сумочку.

— Привет, Софьюшка, — сказал Цыплухин.

Она удивилась — и обрадовалась. Они отошли к стене, и он стал быстро расспрашивать про все, что случилось за вместивший немало событий мимолетный месяц, что они не виделись. Спросил про Гамзата, терроризировавшего ее беззащитную кротость. Являлся он обычно среди ночи, устраивая вой да ругань. Через стенку Георгий часто слышал — благо не спал по ночам, сидел в чатах — его громкоголосую речь. Чего ей стоило прогнать проходимца, в жизни пальцем не шевельнувшего ради настоящей работы! Но она терпела его. Когда закончила школу, ей сулили карьеру, полную неизбежных удач. Красавица, два иностранных языка, музыкальная школа по классу фортепиано. Но из Москвы, куда отправилась поступать, явилась ни с чем. Помыкалась по разным работам, тягучим и занудным, задержалась продавцом в бутике одежды, посреди торгового центра, по соседству с ювелирным киоском. Там познакомилась с Гамзатом — студентом архитектурного вуза. Он пришел покупать цепочку, но в ювелирном продавец отлучилась, и он, сло-

няясь, зашел к Софье. После короткого разговора — Гамзат ничего не купил — они договорились встретиться в кафе, и уже к концу недели он переехал к Софье — привез чемодан и букет гвоздик.

Георгий, влюбившийся в Софью во время линейки в десятом классе и живший через дверь от нее, был потрясен и унижен нескромной вестью. Как она могла! Конечно, он все откладывал объяснение, отделивался шуточками да пустячными разговорами в лифте, но она-то чувствовала наверняка огонь, бушевавший в нем. Цыплухин уже мысленно представлял объединение их квартир, и единство судеб, и тихие радости быта... Все рухнуло в один миг. Еще долго пошла мысль о возможном счастье преследовала Георгия, он чувствовал ее во всем: в бегущих линиях трамваев, в душной тишине ночных кварталов, в радостных криках, слышимых даже сквозь стены. Что ему было делать? Грустные статусы в социальных сетях, всеми понимаемые по-разному, не удовлетворяли его, тогда он и решился создать блог в Твиттере и писал туда, заглушая тоскливые мысли. Число посетителей страницы росло, и увлеченный Цыплухин скоро стал забывать и Софью, и беспокойного соседа, благо тот скоро съехал, найдя новое гнездо в дебрях соседнего промышленного района. Понеслась новая жизнь, появились друзья, жившие по вольным и бесшабашным законам... Софья забылась.

Она восхитительна. Даже сейчас, когда Георгий уже почти выветрил ее из головы. Сразу вспомнил, как они гуляли после выпускного вечера, и были пустынные улицы, и луна, сочившаяся сквозь тучи, и романтика накатывала, как морской прибой. Там, откуда они ушли, лился алкоголь, звенели песни, раскатывался танцпол — а они выбрали уединение и бродили без цели.

— Как живет София Перцева? — спросил Георгий, как всегда, подлаживаясь под шуточный тон. Правда, он никогда не выходил у него толком. Всегда чувствовал себя канатоходцем, готовым вот-вот сорваться. Но по-другому и вовсе не получалось начать разговор. От дикого смущения ломило голову, и он предпочитал шутить, чтобы сохранить лицо.

— Живет и здравствует, — ответила София. — Сам-то как?

— Пылим потихоньку, — сказал Цыплухин.

Как же он ревновал ее! Хотел украсть и увезти. Устроить дуэль с Гамзатом и отстоять свою любовь. Но все закончилось лишь словами, сотнями слов. Коротал бессонные ночи перед монитором, а когда слышал, как открывается ее дверь, — кидался к дверному глазку. Смотрел, как она выходит, как ждет лифт. Потом корил себя, что этой трусливой привычкой дела не поправишь, перестал бегать к дверям. Стояло сумрачное лето, дожди застилали небо от края до края. Он уверял себя, что пересилит и постучится к ней в дверь, прогонит постылого Гамзата, вернет ускользающее счастье... Но не постучался. Постарался забыть и уехал на неделю в Туапсе. Время ушло.

И что теперь говорить, после банальных приветствий? Так хотелось сказать задиристо-затейливую мудрость, показать, что теперь он живет на острие современных событий. Но крутились на языке только мелкие грубости. Привязалась фраза случайного собеседника, с которым встретился в табачной мути, в ночи, в квартире Апанасова. «У женщин, — говорил тот, — голова работает в неизвестном науке направлении. Я с ними вообще не говорю трезвым. Просто не знаю, о чем говорить... Опадаю в туман какой-то, в бездну. Ни смысла, ни совести не остается... А вот когда выпью, так слова сами просятся, даже удивляюсь себе, что нагорожу. И все, главное, в тему, все в ряд. Сижу, бывало, и поражаюсь, сколько отсебятины наплел, прям с... сын, не меньше...»

Георгий, когда попытался обыграть эту мысль в своем блоге, с вызовом захлоп-

нул ноутбук... Слова не шли. Злили игры с совестью, когда пытались оправдать то, что оправдать нельзя. Ведь разврат есть разврат, и Георгий плохо понимал людей, которые не пьют и не курят, зато развратничают и смотрят на других свысока — мол, одолели дурные привычки. А разврат, может, страшнее, чем курево и водка! Он душу разлагает, а не тело... После таких размышлений ему снились приговоренные сны, он не мог отделаться от них. В сне всегда присутствовал человек с дорожным чемоданом, шагающий по железнодорожным путям, пока сзади не загорятся огни, не загудит тепловоз. Он метался среди рельсов, как загнанный зверь, цеплялся за перрон и не мог вылезти из прогорклой ямы. Просыпаясь, Георгий не мог понять, что же ему явилось — самая что ни на есть простоволосая правда или изощренная ложь, столь обычная в снах? Он чаще бывал у Апанасова, даже обсуждал свои сновидения с развязной дамой, представившейся хироманткой, а оказавшейся преподавателем религиоведения.

В смутные дни, когда только познакомился с Апанасовым, Цыплухин был в восторге от новой компании и редко бывал трезв. Они часто выходили на ночные прогулки по пустынным улицам, шествовали веселой гурьбой, с бутылками шампанского, засыпая друг друга шутками, и однажды Георгий сообразил, что за две недели ни разу не вернулся домой трезвым. Он даже стал пить пиво дома, один, чего прежде за ним не водилось. Чувствовал, что дошел до той точки абсурда, когда явное кажется двусмысленным. Например, как-то вечером у Апанасова обсуждали, есть ли смысл в семейных ценностях и не придет ли человечество все-таки к узаконению оргий, как единственно верному пути интимной жизни. Причем эксперимент предлагалось провести немедленно — и Цыплухин не видел ничего необычного в разговоре, более того, он казался вполне естественным. К счастью, отвлек внимание телефонный звонок, уведший Апанасова, как всегда руководившего действием, в другую комнату, — идея выдохлась.

Цыплухин, на другой день вспоминая произошедшее сквозь похмельный туман, испугался своей решимости — ведь если бы остальные поддались на предложение Апанасова, и он бы в стороне не остался. Он зарекся пить — и нарушил зарок в первый же вечер. Догадавшись, что так просто не отделается, искал выход в каторге работы, устраивался в разные места, нигде особо не задерживаясь, и писал неумолимо в свой блог. Успел поработать и на почте, и в магазине, и в ресторане... Нищенская зарплата гнала прочь, и единственное место, где он находил душевное успокоение, — квартира Апанасова. Там было просторно душе и весело уму, там вертелись у самых рук высокие цели, ради них стоило прожить жизнь и не пожалеть о прожитом. Но там царил алкоголь, вечерами курили разные крепкие травы, то заправляя в кальян, а то и просто сигареты — Цыплухин не пробовал, но колебался и чувствовал, что любопытство может пересилить. Борясь с соблазном, стал приходить реже, но уже пристрастился к вольной жизни, как к сильнейшему наркотику. Отвыкать было непросто. Выходил гулять подолгу, бродил по улицам. Осень в тот год наступила, как по расписанию. Зарядили мелкие дожди, и город погряз в неглубоких, словно выплеснутых из черпака лужах. Танец листьев в осенних парках, когда дует оглушающий ветер, странно вдохновлял Цыплухина. В троллейбусной давке, когда ехал на работу, он сочинял твиты, которые выложит в блоге. Они рождались непросто, от легкого повода, почти незаметного... А потом, на улице, вновь встретил Софью.

— Ты быстро улизнула прошлый раз, — сказал Цыплухин, имея в виду встречу в поликлинике. Он уступил ей свою очередь, она ждала его, но когда он вышел из кабинета, зажимая проколотый палец, ее уже не было. Потом она извинялась эсэмэской, ссылаясь на неотложное дело, но Цыплухин всерьез обиделся, справедливо

рассудив, что за две минуты, пока у него брали кровь, точно ничего катастрофического не свершилось бы.

— Ну что ж, — улыбнулась она теперь, — наверстаем?

И вся злость, копившаяся в нем, иссякла за несколько секунд. В полутьме, в бегущем гуле, она сияла карими глазами, взглядывая на него быстро и настойчиво. Но Георгий теперь сторонился этой глубины, того невысказанного, о чем говорил ее взгляд. Загонял себя в пошлые рамки, когда не надо будет думать, а только обнимать, прижиматься, бормотать несусветность, отдаленно напоминающую комплимент. Цыплухин шагал, и ему казалось, что он уже и не любит ее, иссохла любовь. Зато осталась страсть — она-то и гнала его. Представил, что не сможет простить ей Гамзата, который оказался в ее жизни раньше него. Подумал, что все надо делать вовремя, что у нее был шанс на его искреннюю любовь, но она упустила его. В ресторане Цыплухин пил, не глядя на Софью, на ее ищущие глаза, на улыбку, дрогнувшую на губах. Слишком хорошо знал ее высокие скулы, мягкие волосы, ее обаяние, которому так легко поддаться, и отвлекал себя, не давал искренне радоваться так давно ожидаемой им встрече. Они ушли танцевать, и во время танца он успел разглядеть соседние столики, отвлекал себя, как мог, хотя ее дыхание пьянило, разжигая его, торопя... И уже ясно видел Георгий, как проводит ее, как ошибется квартирой, как расцветет кофейное утро... Все было спутано непоправимо появлением Апанасова.

Он присел за их столик, даже не спрашивая.

— Денек добрый, граждане, — сказал он и улыбнулся Софье.

Дело, казавшееся таким верным, мигом покачнулось. Апанасов был из тех людей, которые могут опошлить все одним фактом своего появления. Тревожно глядя на него, Георгий пробормотал:

— Привет. Знакомьтесь, — и прочие формальности.

Апанасов увлеченно листал меню.

— А вот это для нас написано! — сказал он и указал Софье страницу с преysкурantom на бой посуды. — Вот оно, прибежище глупости! Так, стакан, тарелка... ложка! Как можно разбить ложку? Холодильник! Юбка на столе? Это еще что? Это когда ты будешь на столе танцевать? — обратился к Софье. — Сплит-система! И она в бое посуды! Вот страна идиотов! Все начинается с малого!

Он заказал себе водки. И Софья, сначала недоступная, серьезно внимавшая его словам, расслабилась, начала смеяться его шуткам. Георгий смотрел на нее во все глаза. Только сейчас заметил, что она сменила прическу... Ей так было лучше — ее карие глаза, и фигура, и губы предстали в каком-то новом озарении, как в свете волшебного фонаря. Все в ней показалось прекрасным. Он цедил вино и злился на Апанасова. В ресторан между тем набилось море людей.

— Ты меня обескураживаешь трезвостью, — сказал Апанасов Георгию. — Пойдем покурим...

На воздухе они закурили. Кисло нависали тучи, полные осеннего дождя. Назойливо крутилась возле ног бездомная серая собачонка.

— Отдай ее мне, — попросил Апанасов. — Нравится, отдай...

Дыхание захолонуло. Но, словно зачарованный, он не мог отказать Апанасову, чего бы тот ни просил. Унимая дрожь в руках, изображая беспечность, выпустил струю дыма.

— Забирай...

Когда шагал домой, гулкой пустотой, бессильным беспамятством полнилась душа. У подъезда алкоголики рьяно ругались из-за полутора литров. Все было пришибленно и пусто. Дождь так и не начался.

4

— Дзинькает эсэмэс!

— Мило...

Они опять сидели, нога на ногу, в зале на пуфиках. На диване, напротив, разнежился кот, узил глаза.

— Кто пишет? — лениво спросил Апанасов.

— Да Ирина опять...

— Мои обостренные чувства художника не дают мне покоя. Она предлагает натурщиком поработать. Говорит, у меня редкий славянский типаж... Но нет, лень победила. И Хочется, и Колется... все с большой буквы!

Цыплухин, когда пребывает в квартире Апанасова, исполняет роль читателя эсэмэс.

— Пирожные есть еще? — спрашивает Апанасов.

— Нет, пряники...

— Пряниками сыт не будешь... Сходи, сделай доброе дело! А то на горизонте бытия как-то совсем тускло...

Пока послушно спускался по лестнице, Цыплухин услышал, как ожил рояль. Странные, бесформенные звуки понеслись по подъезду...

В кафе Георгий подошел к прилавку, спросил эклеры и трубочки. Продавщица, грустная и задумчивая, достала пирожные из стеклянного холодильника. Георгий, вздохнув, аккуратно собрал сдачу.

На кухне, куда Апанасов отправил его готовить чай, он вымыл две чашки, отрезал хозяйину длинную дольку лимона, себе же бросил вершок, похожий на куриную гузку. Выложил пирожные на тарелку. Принес на подносе в зал.

— Почему без сахара? — сморщился Апанасов.

— Так с пирожными же!

— Нет, моим мозгам нужно работать, бухни-ка сахарку!

Цыплухин снова поплелся на кухню.

— Что ты решил насчет Ирины?

Ирина Вынос была местной художницей сорока двух лет. С Апанасовым они познакомились на выставке, о которой тот сохранил весьма смутные воспоминания. Помнил, как усаживали за банкетный стол. Как налили полную рюмку. Он пить особо не стремился, были планы ехать за город на чью-то дружескую дачу... После нескольких тостов планы отменились. Настал момент, когда он осознал, что художница к нему пристаёт. Под вполне благовидным предлогом: стать моделью для очередного шедевра. Мол, его благородный образ так и просится на полотно. Апанасов был не против ни полотна, ни позирования, но ее чересчур рьяные усилия охладили его. Вечер закончился тем, что он отправился ее провожать. Она спотыкалась, но каждый раз, раскидывая руки, кричала:

— Все нормально! Не трогай меня! Все нормально!

На остановке случилось непредвиденное: ее автобус подошел так быстро, что она не успела уцепиться за куртку Апанасова, когда он ее подсаживал. А теперь писала эсэмэс — предлагала творческое сотрудничество с обоюдной пользой...

— Что пишет-то?

— Выставка вроде завтра. Выставляется ее дядя, знаменитый художник Рататуев. Предлагает прийти и поддержать их род. Поясняет, что в чисто платоническом смысле...

— А пойдём, дядя Жорж! Пойдём!

5

Апанасов в творческих кругах города считался художником. А также поэтом, философом, артистической натурой... Собственно говоря, всего несколько картин авангардистского толка вышло из его мастерской, однако слава новатора приклеилась накрепко. Было даже художественное объединение «Бессмертные сурки», которое он вел не особо регулярно, зато неизменно весело. Пользуясь успехом, он странствовал по презентациям и вернисажам, везде принимаемый как желанный гость. Пять лет назад он считался молодым художником — в том же статусе пребывал и теперь.

— Как радостно земное время! — воскликнул Апанасов, переступив порог выставочного зала. К нему сразу бросились несколько слегка потрепанных господ.

— Знакомьтесь, — милостиво говорил Апанасов, — дядя Жорж, известный блогер... Это Валентин Бруй, — указал он на худощавого мужичка в поношенном пиджачке, — это Хорошеньков, — ткнул пальцем в парня с виноватой челкой, которую тот ежеминутно смахивал. — Мастера, мастера!

Георгий ходил по залу, задерживаясь возле особо затейливых картин. На одной череп, выкрашенный в красное, с серпом и молотом на лбу, пожирал российский триколор. На другой счастливый комиссар целился в икону...

Апанасов подвел для знакомства пухлого брюнета с веселыми усами, которые, казалось, смеются вместе с хозяином.

— Дядя Жорж...

— Забавное имя! — воскликнул усач. — Прямо-таки так и называется? И титанические усилия прикладываете, чтобы в Интернете не было скучно?

— Чиновник всероссийского масштаба! — громко сказал Апанасов. — Человек прогрессивного ума! Привыкай, Жоржик, здесь все не так просто, как на нашей кухне...

— Что для образованного человека может быть привлекательнее, чем выставка! Игра ума, блеск таланта! — говорил, не переставая, усач.

Унимая его восторги, Апанасов увел Цыплухина за локоть в другую часть зала.

— Этого опасайся, — сказал он, — вроде смех, а глаза — хитрые. Такой продаст — не слиняет.

— Так ведь и чиновник к тому же, — вставил Георгий.

— Чиновником он был в прошлой жизни. Теперь простой безработный, шляющийся по мероприятиям, ищущий старых друзей. И тут к кому-нибудь прилипнет.

И точно, скоро усач намертво приклеился к строгому на вид мужику в сером костюме.

— Все, выставка окончена, нашел жертву, — засмеялся Апанасов.

Цыплухин подошел к фуршетному столу, взял бокал с шампанским. Побродил по залу.

— Нет, все-таки вы не цените возможности! — донеслось до Георгия. — Я вам говорил, у меня есть проект. Принц государства Свазиленд Мулумбу готов сделать меня своим представителем. Наш проект — интересная штука. Вы, разумеется, в доле?

Георгий повернулся. Подле Апанасова стоял невысокий, солидно одетый мужчина и держал его за пуговицу пиджака. Что-то нескрывая комичное было в его позе.

— И в чем состоит проект? — спросил Апанасов.

— Принц хочет открыть представительство. Разумеется, все будет оплачено. Мы из него столько денег выкачаем, что купим этот дом с потрохами и картинами. Вам всего-то и надо, что помочь мне!

Георгий отвлекся. По залу шел художник Рататуев, сопровождаемый целой свитой. Были здесь и чиновники в солидных костюмах, с показной важностью на физиономиях, и театральные деятели со вздернутыми носами, и бизнесмены, подстегнутые желанием занять славу меценатов. Дошли до первой картины — роскошной мазне без признаков здравого смысла. Художник, со своей седеющей бородой похожий на священника, снявшего до времени рясу, принялся разъяснять ее значение. Все почтительно слушали.

— Элитарная живопись! Нет большего оскорбления для художника, чем обвинение в элитарности. Это значит, что его картины понимают только несколько сумасшедших. Что может быть унижительнее?..

— А вас как зовут, молодой человек?

Рядом стоял давешний седоватый мужичок, рассказывавший Апанасову о принце.

— Георгий, — нехотя отозвался Цыплухин.

— А моя фамилия Живолуп, — сказал незнакомец. — Фамилия не самая благозвучная, но никогда жить не мешала... Когда я был резидентом в Венгрии, то имел одну прелестную знакомую. Мы встречались у фонтана. Вы знаете, что я в совершенстве владею словацким и чешским?

Цыплухин признался, что не в курсе.

— Я был таким франтом. Мне, между прочим, это легко давалось. Я ведь человек обаятельный. Так вот моя зазноба выговаривала мою фамилию с изумительно нежным акцентом!

Георгий присмотрелся к нему: сквозь конопатый облик просеивалась почти неуловимая суэта. Был он седой, пухлый, смотрел прямо в глаза, даже со строгостью. Тон его временами переходил в повелительный.

— Мы были видные люди. Теперь уже не то. Вот ты знаешь, что я автор стихотворного сборника? А ты тоже пишешь небось что-то там, изощряешься. Как тебя на выставку-то занесло?

— По приглашению, — пробормотал Цыплухин. Он заробел перед напористым старикашкой. Такое часто с ним бывало в присутствии не в меру назойливых людей: он не мог противостоять их откровенной наглости.

Заметив заминку, Живолуп воскликнул:

— Нам обязательно надо с тобой поговорить!

— Спасибо большое...

— Пожалуйста поменьше! Не хамя старшим! Если я говорю, что надо поговорить, надо поговорить! Пойдем из этого гадюшника.

Георгий беспомощно оглянулся на Апанасова. Тот стоял, окруженный дружеской болтовней. Толпившиеся внимали с любопытством. Среди них была и Ирина Вынос, зазывавшая его в свою студию. Мельком Георгий заметил, что она в короткой красной юбке, какие обычно носят пятнадцатилетние девочки.

Живолуп нетерпеливо тянул за рукав. Они вышли под осенний ветер.

— Провинциальные города всегда прозаичны до ужаса, — произнес Живолуп, запахивая сиреневый, грязноватого оттенка плащ.

— Да-да, — согласился Георгий. Ему было не по себе от насильственного знакомства. Никакого расположения к беседе он не испытывал, напротив, хотел вернуться в соблазнительный звон бокалов и речей.

— Вы знаете, ведь это счастье — быть счастливым! — воодушевленно говорил Живолуп. Он тянул Георгия за рукав в глубь парка. По дорожкам, занесенным листьями, стелился ветер.

— На всех языках мира счастье звучит одинаково. А что такое счастье? Лю-

бовь, братец, любовь! Когда я состоял в резидентуре в Варшаве, был увлечен одной красотулечкой. Такая, знаешь, тонкая девочка с высшим музыкальным образованием. Игрива, легка. Но поначалу — ни-ни. Прямо пустыми глазами смотрит. Какие письма я ей писал! «Я завидую только тому, кто пьет гранатовый сок любви из твоих уст». И потихоньку оттаяла северная ледовитая красавица. И таяла потом под моими пальцами! И гулял я по бархатным коврам ее квартиры, пока она мне кофе варила. Вот было время!

Они присели на лавочку.

— А все почему случилось? Потому что я знал, каким богам молиться. И ты сейчас должен определиться, с кем ты, на той ли стороне, на какой надо.

Цыплухин дернулся встать, но Живолуп усадил его обратно.

— Только не балуй меня своим красноречием, юноша, и не делай вид, что ты все уже понял. И без тебя знаю, какие вы там игры затеваете, в этой скверной квартире, мы ее слушаем уже не первый месяцок и в курсе всех делишек ваших. Ты мне и не нужен толком, ты же вошь, но я тебя спасти хочу, как душу заблудшую, а не истинно поганую! Ведь ты как туда попал? Тебя завлекли! Посулами, красками яркими завлекли! Сам-то ты безделушка мелкая, а из таких, как ты, и строятся ряды фанатиков! Сегодня ты стихи пишешь, а завтра бомбу бросишь! Ты лучше признайся мне честно ты же честный мальчик, и будешь спасен! Я лично твое спасение гарантирую! Ты что, не веришь? Гляди!

Живолуп раскрыл красные корки удостоверения. Цыплухин тут же сник.

— Ну что ты? Понимаю тебя. Ты, конечно, можешь уехать. Но куда? В интернациональные джунгли Москвы? В пустую деревню? Сам понимаешь, это несерьезно. Непременно достанем. А с тебя-то и нужна мелочь сушая, ноготок. Будешь сообщать все, что у вас творится и затевается. Главари-то ваш хоть умом и не робок, а чуть не купился на сказку мою про принца, слышал ведь небось? Что ты задумался? Зачем ты нам, коли слушаем уже? Ну а вдруг жучки обнаружат? Нет, там нам кровь своя нужна, уши живые, чтобы слушали и помнили, чтобы ты мне его выражение лица рассказал и душу его выдал. Техника бессловесная, она подвести может, а человек не подведет. Смотри, ты думаешь, ты чистый? Ты уже тем, что в их квартиру вошел, вляпался. Мы тебя теперь через терку протрем, если не согласишься, расщепим на атомы. А друзьям твоим капнем, что сдал их. Я второй раз предлагать не буду. Ну что, лады? — и протянул ладонь.

Георгий пожал руку. Она была теплой до одурения.

— Ладно ты решил! Теперь ты под крышей, никого не бойся. Раз в неделю доклад. Только мне, помни!

6

— Обожаю! — сказала она. — Обожаю пьяный бред Апанасова! Он несет такие красочные вещи! Когда трезвый — больше о политике, а пьяный — такая сокровенность...

— Просто подсознание! — поддержал Цыплухин. — Открывается высшее, о чем и помыслить не мог! Все-таки скрыты в нас бездны, и отворить их не всякий сумеет! Главное — осознать свою натуру. Что нам нужно? Только душевная тишина.

За окном показались сливочные отблески рассвета. Они лежали на полинялом матрасе. Георгий позвонил ей накануне. Долго собирался, решимость пришла после двух бутылок пива. После разменных приветов уточнил, не спит ли она.

— Не сплю и злюсь. Если не боишься — приезжай.

Такси он поймал не сразу. Едва выловил частника на хилой «шестерке».

Она открыла дверь с хмурым неудовольствием. Провела на кухню, указала, где пиво. На буфете высился кальян. Когда сели в зале, среди клубов дыма, которые не пьянили, но приводили в какое-то доверительное состояние, она говорила, как всегда, об Апанасове:

— Ну что он? Актеришко жалкий, разыгрывает комедии каждый день! Я ему так и сказала, что не считаю его достойным мужчиной. Жалкий, никчемный человек. А он обиделся, представляешь! Вот и говори после этого истину!

Через полчаса, когда кальян иссяк, она сидела возле Георгия и рыдала ему в плечо.

— Я ведь люблю его! — причитала она. — Никого лучше нет и не было! Он идеален, а я коза, неблагодарная. Не понимаю его тонкую, ранимую душу! Он ведь творец, — отрывалась она от плеча и тянула палец вверх. — Он живет ради высшей цели, а не тем низменным, что окружает нас... Чего ты меня обнимаешь? Кто тебе право дал? Это только ему можно! А ну руки убери!

Минуло еще полчаса, они целовались сперва нежно, а потом агрессивно, кидаясь друг на друга, как бешеные змеи.

— Не думала, что ты такой страстный, — шептала она, и ее пальцы скользили по его лицу.

— Милая, милая... — шептал он.

Утром, когда кальянный дух вовсе выветрился из квартиры, она сказала:

— А мне вставать! Первый рабочий день после отпуска. Принимаю поздравления!

7

— Так ты с Аней теперь? Мне нравится ее непосредственная глупость, — Апанасов размышлял, сидя в халате. За окном накрапывал куцый дождик. Тучи медленно и упорно ползли по небу.

— А со мной вчера была только колдунья — лень, — проговорил Апанасов. — Хотя нет, вру, не бездарно пролетел день... Полчаса по скайпу говорил с Натальей Пёскиной! И знаешь, в восторге. Все, кто утверждает, что она гламурка и с жиру бесится, разлезет в политическое пекло, просто мелкие завидующие личности. Это масштаб! Палитра! Вышла из чиновничьего дома, с самых верхов проклятой олигархии, звезда бомонда, а ведь не брезгует мной, грешным! Я так и заявил под конец разговора, что ожидал фанерную барыню, а увидел стойкую и идейную непосредственность! Она из тех, что в октябрьский мятеж из наганов стреляли. И вот увидишь, выстрелит! Для нее это не игра, а самая живая жизнь, нелживая, натуральная!

Апанасов увлекся. Вскочил с кресла так рьяно, что с ноги слетела тапка.

— Вообще из всей столичной тусовки только Пёскину уважаю... Ни Подгорного, ни Иноземцева. Сколько я к ним набивался, ни разу не позвонили! А она не побрезговала! И пришла к идее бунта не оттого, что проиграла выборы, или спасается от уголовщины, или от пустого кармана... У нее не было мелких фиаско, как у прочих! Она сама пришла! Как же можно за такое не уважать? И самое главное, позвонила! Я чуть в осадок не выпал, когда ее на экране увидел... Но умна же она, Жорж! Колоритна! Неповторима!

Апанасов упал в кресло. Быстро загораясь, он так же быстро гас. Цыплухин принес отброшенную тапку.

— Так вот, — снова заговорил Апанасов. — Насчет Ани. В виртуальном мире она хороша, но про реальный я бы так не сказал. Хотя... Лучше всего познаешь женщин, выбрав не самую притязательную особь. Что в этой Ане? Нос горбиком, фигура не

потрясает ни спереди, ни сзади, еще эти косички школьные. Вот и думай потом, чем она заманила будущего мужа, а ведь и ты у нее сейчас в поклонниках, заметь! А ведь ты красавец! Да-да, не отнекивайся! И умник к тому же. Ведь до чего ты разумные вещи пишешь! Я иной раз читаю и не верю, что это ты написал! Есть ли приятнее похвала для автора?

Цыплухин хмыкнул, даже покраснел немного. Хоть и знал, что Апанасов — неуправляемый лстец, а все равно приятная теплая волна по груди пошла.

— Веришь ли, иногда даже завидую, — не сбавлял Апанасов. — Читаю и то плачу, то смеюсь. Ты истинный талант! А для талантливого человека я что хочешь сделаю. Разорву любого за тебя! Обижает кто? Ты только скажи, я ему сердце выну! Ну?!

Цыплухин промолчал, хотя вопрос вертелся на языке, жег, терзал. Но он не мог задать его — не хватало душевных сил. Вопрос был о Софье. Снова вспомнилось кафе «Лидочка», где они с Софьей были последний раз. С тех пор не видел ее, не слышал, помнил только тот страшный момент, когда она поднялась со стула, чтобы идти домой, а он, Георгий Цыплухин, промямлил что-то про дела, из-за которых никак не может ее проводить. Само собой, провожать пошел Апанасов. А Георгий остался в зале, который сразу, как Софья ушла, показался пустым и тихим. Как баствовала душа, как хотелось вскочить и нестись следом, разбить, выследить, не дать совершиться... Но он спокойно курил сигареты, одну за одной, ничуть не торопясь, и единственная официантка, обходя опустевшие столики, подала ему счет — кафе закрывалось через десять минут. А ведь недавно, в начале вечера, та же официантка положила между ними, между ним и Софьей, меню, и все было гармонично, целомудренно и мило... А теперь перед ним лежал счет. Цыплухин всматривался в цены, словно не веря обозначенной сумме, — только тут сообразил, что Апанасов ушел, забыв про деньги, как, впрочем, он часто делал. Как все выглядело в счете чисто и прибранно: салатик, горячее, чай с чабрецом... Она ушла с ним, какой теперь может быть чабрец? Рухнуло то зыбкое и нежное, что всегда жило в его душе. Он больше не сможет слушать стук Софьиной двери, зная, что она была с ним, не сможет мечтать о ней, звать ее... Расплатившись, он долго бродил по улицам, в чужом районе, а когда подошел к своему дому, сразу взглянул на Софьины окна. Света не было. Содрогаясь, он прошел мимо ее двери, вслушиваясь и не слыша ни звука. Вошел в квартиру и, не зажигая света, рухнул на диван.

* * *

— Это Живолуп, — сказал голос в трубке.

— Я знаю, — ответил Цыплухин и хихикнул.

— Почему вы смеетесь? — сразу посуровел голос.

— Нет, ничего, — смешался Георгий.

— То-то, ты там не остри, остряк, а то я тоже шутку какую придумаю — не отмоешься.

Цыплухин сказал «ага», а сам опять хихикнул, уже мимо трубки. Живолупа в телефоне он пометил коротким обидным словом, и когда тот звонил, Георгию становилось весело.

— Помнишь нашу беседу? — продолжал Живолуп. — Я что, тебя контролировать должен? Почему нет сведений? Давай работай, а то лопатой махать придется!

Цыплухин молчал.

— Я ведь тебя не обязываю ни к чему, — взял другой тон Живолуп. — Я тебя не искал, ты сам попался. Почему, например, ты не бросился к нам, когда узнал о гото-

вящемся бунте? Уж нас ты мог предупредить, назвать дату и час! Ведь мы можем подумать, что ты пренебрегаешь нами, не мной, нет, но многими, кто за мной. Как же тогда возможна мирная жизнь, когда даже такие чистые в помыслах люди, как ты, брезгливо отвернутся от дел ответственных?

Георгий давно замечал, что Живолуп временами впадает в иступление, почти в истерику, и этому надрыву он противостоять никак не мог: все время сдавался, обещал помогать. И хотя не помог ни разу, чувствовал, что прижат к стенке и, того и гляди, будет раздавлен, что Живолуп в ярости не спустит формальных ответов, которыми он его потчевал.

— Я не в курсе... — начал Георгий, но Живолуп проревел:

— Готовься, пришло им номер твоего дома! — и оглушил рухнувшей трубкой.

Не прошло и минуты, как Цыплухин позвонил в ответ.

— Я все расскажу, — пробормотал он еле слышно.

Встретились они в одном из старых дворов в центре города, уселись на крутящейся детской карусельке, низенькой и вдавленной, которая под их весом прогнулась почти до земли. Рассказать, впрочем, Георгий мог немного. Он даже не был уверен, тянула ли эта информация на статус ценной или тем более секретной. Просто недавно на кухне у Апанасова кто-то бросил идею: организовать несанкционированное шествие с применением пивных бутылок, чтобы закидать полицейский пост на пересечении Продольных улиц, пустующий день и ночь, — никто и никогда не видал там полисмена. Кто-то поспешил поправить, что, может, стоит заплатить дань традиции и называть тех, кто подвергнется возмездию, «ментами», но предложение было отвергнуто. Закидать бутылками полицейских звучало лучше, чем атака на милицию.

Идея шествия так понравилась Апанасову, что он даже вытащил из кладовки знамя, приготовленное для подобного случая. Знамя было серое и пыльное, начертание букв размыто, но ясно угадывалось нечто протестное — типа «долой» или «хватит». И то и другое соответствовало логике текущего момента, и Апанасов немедленно отправил Аню на балкон — вытрясти знамя. Та, по неопытности, повесила знамя на перила, с которых оно благополучно соскользнуло вниз. Аня появилась на кухне, крича, что знамя упало. Вся компания ринулась вниз по темным ступенькам, перескакивая через несколько, — все были пьяны и легко отрывались от земли. Знамя нашли (оно почти целиком укрыло маленькую «Оку»), поволокли назад, набились в лифт так, что тот тронулся и тут же застрял. Створки лифта раздвинули руками, выползли на площадку. Тяжело дыша после лестничного перехода, вошли в квартиру, галдящие, с перепачканным знаменем: обтерли-таки «Оку», пока стаскивали... Посовещавшись, засунули знамя в стиральную машину.

— Путь ясен! — сказал Апанасов, снова водворившись на кухне, усевшись на подоконник и возвышаясь над всеми. — Надо как можно скорее провести эту крайне полезную, я бы даже сказал, оздоровительную акцию. Что может быть ярче, чем факел в руке мученика? Что может быть достойнее, чем костер на развалинах стана насильников? Предлагаю не просто закидать бутылками, а сжечь этот пост!

— Сожжем, — просто сказал Вьюн, сидевший у ног Апанасова, на табурете.

На том и порешили.

— Это все, конечно, не ахти, — сказал Живолуп, выслушав рассказ Георгия. — Но для начала недурно. Вот тебе, — он выудил из кошелька пятисотку. — Возьми, заслужил... — и, вставая, потрещал Георгия по щеке. — Мы с тобой, парень, еще не таких дел наворотим...

8

Шествие хотя было не слишком массовым, но заполнило узкую улицу. Апанасов специально выбрал ее, чтобы не бросаться в глаза, шагая проспектами. Сначала шли молча. Приготовленные бутылки и факелы тряслись в мешках. Знамя не успело просохнуть, и его решили не брать.

— Темень-то, — заметил кто-то, споткнувшись о люк.

— Да, ночку знатную выбрали!

— Не шурши ногами! Как дед ногами скребет!

— А ведь там нас не пироги ждут с ананасами — там менты!

— Менты все вышли, теперь полицаи...

— А зажигалка-то есть у кого? А то припрямся...

Вьюн тащил длинную палку.

— Что у тебя за дрын? — спросил Апанасов. — Хочешь вонзить кол в сердце правосудия? Дубовый хоть?

— Осиновый, — глухо ответил Вьюн.

Вышли на проспект, щедро освещенный фонарями.

— Вот и выползли мухи на стекло, — весело прокомментировал кто-то.

Дорога-то была недалеко — всего полкилометра. Но пока шли, перетрухнули порядком. Ведь тут и камеры могут быть, хоть и уверял давеча Апанасов, что отключили их, да и патрульные вдруг проедут... Но обошлось, дошагали благополучно.

— Доставай, — сухо сказал Вьюн и вытряхнул из мешка бутылки.

Все разобрали бутылки, зажгли факелы. Нестройный ряд приготовился к атаке.

— Давай! — дал команду Апанасов и первый швырнул бутылку.

Но не успели остальные подхватить его порыв, как за забором взвыла сирена — и тут же смолкла.

— Это еще что? — тихо спросил Вьюн, хищно озираясь.

— Так, видать, машина, — беспечно сказал Апанасов. — Ну что, бросаем?

— Не машина, — так же тихо сказал Вьюн и бросил палку. — Ментовская сирена... Давай-ка тикать, ребятки. Не пошло дело...

Только он это сказал, как из дверей полицейского поста выскочили двое автоматчиков.

— Всем стоять! — громко приказал один.

Но Вьюн уже бежал: он рванул сразу, как распахнулась дверь, не ожидая спрятавшихся полицейских. За ним ринулись остальные.

— Стояять!!! — предупредительная очередь резанула воздух.

Бежали, как ошпаренные. Свернули в боковую улицу — благо она оказалась рядом. Там, в темноте, уже мигала полицейская сирена.

— Назад! — прохрипел Вьюн и сиганул через забор, разорвав рубаху. За ним — остальные. Залаяла собака, но сразу затихла, будто напуганная бегущей толпой. Цыплухин твердо держался за Вьюном, не отставая, — тут же был и Апанасов. Они уходили через частные дворы, потом перебежали в квартал — и там затерялись среди гаражей. Присели передохнуть — все семеро, а на дело выходило тринадцать. Остальные рассеялись по дороге, а может, их уже и взяли.

— Разбегаемся сейчас, — коротко приказал Вьюн. — В свои хаты не идем, недели две гостим где хошь, не меньше... Все, отбой...

И они исчезли в темных переулках. Цыплухин решительно не знал, к кому идти. Единственное, что пришло на ум, — Аня. Но, добравшись к ней окольными путями, он застал там Апанасова.

— Вот прилетел птенец, — обрадовался тот. — Молодец, что не дался! Будешь спать на кухне! — заключил.

* * *

У Апанасова не собирались после инцидента месяца два. Все, кого выловила полиция — таких оказалось пятеро, — успешно вывернулись. Мол, сами не знали, куда идем. Включили дурака. Как главаря и вдохновителя все как один указали Вьюна, имя Апанасова не всплыло. Промурьжив с месяц, ребят оставили в покое. Собственно, никакого ущерба причинено не было: единственная бутылка, брошенная Апанасовым, и та пролетела мимо. А коль так — поди докажи, с какой целью группа молодых людей пришла с мешком бутылок к посту полиции. Может, мусор собирали. Это обговорили еще загодя, и теперь все обошлось без особых последствий... Правда, трое из пяти попавшихся ни за что на квартиру Апанасова больше идти не желали, а двое оставшихся пришли угрюмыми и сидели молча. Видно было, что им тоже не по нраву отдуваться в кутузке за тех, кто оказался проворнее. Так и сидели они, закусив губу.

Апанасов, впрочем, нисколько не был расстроен печальным провалом. Красно-речие его не иссякло. Все так же, сидя на подоконнике, он буйно рисовал картины будущих побед под почтительную тишину собравшихся. И приходивших не стало меньше. Напротив, участие в таком соблазнительном деле, как погром полиции, привлекло новых адептов. Совсем молоденькие студентики являлись стаями, слушали, открыв рты, кто-то оставался долее — так и полнилось количество посетителей.

Цыплухин, хоть и был оглушен звонкой неудачей с полицейским постом, продолжал приходиться. Все надеялся найти смысл, какого не было в жизни, и ясно чувствовал, что, кроме как через Апанасова, не добраться ему до этого смысла. Всего-то года на три старше Цыплухина, он постиг и понял много больше его в жизни, и это было бесспорно. Ходил он и к Ане, которая, будучи любовницей сразу нескольких мужчин — скольких именно, Цыплухин все никак не решался уточнить, — тем не менее особенно привечала Георгия и, казалось, искренне радовалась ему.

Про Софью он не знал ничего, видел ее мельком два раза бегущей в суете улицы. Живолуп, его мучитель, не звонил после провала с постом. Так образовался в жизни Георгия полный штиль... Впечатление это, однако, оказалось обманчивым.

9

Цыплухин был уверен, что вечер, суливший неги и восторги, пройдет легко и беспрепятственно. Все, казалось, наладилось: теперь Аня представлялась ему посланницей небес, и когда он наконец, после всяких отвлекающих внимание мелочей, нашел время позвонить ей и пригласить на романтический ужин, она немедленно согласилась. Он готовился отменно: купил скатерть, жареную курицу в ларьке, сам сварил рис. Из напитков преобладала водка — разбавить ее должен был пакет сока.

Аня пришла вовремя. В короткой юбке и просторной кофте, она прошла по комнате.

— Шикарно, Жорж!

Собственно говоря, ничего шикарного не наблюдалось. Подержанная стенка, полученная еще дедом в бесконечной очереди, потрепанный диванчик, немного облезлые кресла. В одно из них и опрокинулась Аня, попутно провозгласив, что поднять ее оттуда может только тост. Георгий быстро налил по рюмке.

— За тебя, мой милый! — коротко сказала она.

Когда вечер прошел, перейдя в весеннюю ночь, она, кутаясь в простыню от рас-светного холода, сочившегося сквозь форточку, сказала:

— Ты ведь правда меня любишь, правда? Я остаюсь у тебя! Милый!

Давно ожидаемый вечер перерос в нечто вовсе не ожидаемое.

Отказать ей сразу как-то не хватило ни напора, ни смелости. Она поселилась в спальне, как птичка, нашедшая долгожданное гнездо, разбросав по всей комнате перья-колготки. Они прожили один, два, три дня... На исходе четвертого решился-таки на разговор.

— Понимаешь, дорогая, — начал он, но она прервала.

— Молчи! Знаю! У тебя есть для меня подарок!

— В каком-то роде да. Но не хотелось бы тебя сразу...

— И не надо, — воскликнула она. — Продолжишь в ресторане!

Объяснения в тот день не получилось.

А на следующее утро, после двухмесячной паузы, позвонил Живолуп.

* * *

— А ты вообще в каких отношениях с Апанасовым? Он тебе друг, или мне, верно, кажется, что ты его ненавидишь?

Они сидели на лавочке в сквере, в центре города. Живолуп по телефону сказал, что надо встретиться, и Цыплухин нехотя приплелся, раскаиваясь в собственном безволии. Ведь уже почувствовал себя свободным, а клетка — вот она.

— Дело в том, что я собираюсь твоему Апанасову нанести дружеский визит, напомнить кой о чем. Он ведь было притух, после поста-то, а сейчас опять расцвел. Он хоть и сошка, а я и таким не побрезгую. Всякий сгодится в нашем ремесле, а оно беспокойное. Вот сидишь снулый, как будто из тебя душу вынули, а радоваться должен! Ты был червь, а теперь человек — государству служишь, а не чужому разуму! И не думай там, как освободиться, я же насквозь вижу мыслишки твои короткие, так и норовишь что-нибудь отмочить, лишь бы от меня избавиться. Нет, брат, я тебя за холку крепко держу, намертво. И Апанасов твой мне сапоги лизать будет, как моська, вот завтра ему и скажу, что теперь я хозяин, что его с потрохами купил и теперь продам кому вздумается. И не таких ломали. Ты, главное, теперь не суйся, пересиди дома недельку. Момент схлынет — тогда уж давай.

Цыплухин брел домой по мрачным улицам, и уже в квартире, заварив чай, вспоминал колкие минуты разговора, когда так явственно сознавал собственное предательство. Да, к Апанасову он не чувствовал доброго расположения. Он по-прежнему преклонялся перед его молниеносным умом, строгим благородством цели. Но уважал ли он его, считал ли его искренним другом? Между ними, как бродячий призрак, каждый раз являлась Софья. И хотя не говорили о ней ни слова, хотя Цыплухин делал вид, что обо всем забыл, что-то деликатно-мерзкое виделось ему теперь во всех повадках Апанасова. Раздражала манера сидеть на диване, выпятив живот и свесив набок рыжую голову, — чем-то он напоминал орангутанга — и цоканье языком при виде блондинки на улице, и фантазии, которыми осыпал худосочных студентов, забредших на свет революционной лампы. Цыплухин уже не мог терпеть и саму квартиру с жаркими диванами, которые в сумерки наполнялись гостями, и умные мысли вперемешку с бодрящим алкоголем, и веселый азарт, словно толкающий в спину. Обсуждали здесь и шансы президента удержать накренившуюся власть, и остервенение полицаев, разогнавших свободных людей, собравшихся на мирной площади, и другие еще невидимые, ясно грядущие шествия...

Цыплухин помнил первый восторг, с которым входил, трепеща, в священное жилище, и понимал радость, с какой кидались неопиты на сладкие разговоры, но сам уже не чувствовал восторга, когда Апанасов, царя над миром, вскакивал на журнальный столик и бросал в распахнутые настежь окна, в сухую ночь, волнительные лозунги, шекочущие душу огненным азартом. Все кричали, и только Георгий незаметно уходил, по стеночке, в коридор и долго брел по пустынным улицам домой. Его ни разу не хватились, лишь однажды Апанасов попенял ему: «Кажется, вчера ты ушел раньше».

Он приходил домой посреди пустой ночи. Не торопясь раздеваться, сидел в кресле, думал, что стоит все-таки поговорить с Софьей. Однако в квартире за стеной царил удручающая тишина. Она то ли съехала, то ли отдыхала на море, то ли нашла мужа. Злился на себя, что не может просто выйти на площадку и позвонить ей — пересилить робость не мог со школьных времен. А потом приходила Аня, задержавшаяся на вечеринке, но вечер вдвоем был не лучше одиночества. Она начинала вспоминать Апанасова, говорила, что это единственный мужчина, который понял ее чувствительную суть. Без алкоголя разговор не клеился, а захмелев, Цыплухин смелее мыслил, собирался вызвать Апанасова на дуэль или, по крайней мере, набить ему морду, мстя за изгаженную мечту. Но единственное, что вышло из его воинственных помыслов, — крикнул однажды Ане, когда она опять восхитилась чем-то в Апанасове:

— Кто ты такая и что ты делаешь в моем доме? Выметайся!

— Ты ответишь за это! — тихо шепнула она, подхватив одежду и выскользнув в дверь.

Так закончились их отношения. Оставшись один, Цыплухин повеселел. Он, оказывается, способен на решительные поступки! Не только на бунт в Интернете! Припоминал, как Аня изменилась в лице, как бодро подхватила сумочку и кофту, как опрометью кинулась к дверям! Напугал! Значит, есть в нем что-то истинное, звериное, а не одна интеллигентная бестолковость... Мысль, что она все расскажет Апанасову, не тревожила. Знакомых у Апанасова тьма, и впрягаться за кого-то, тем более за Аню, которую он и не ценил особо, тот безусловно не будет. Тем не менее несколько дней Георгий к Апанасову не ходил — да и Живолуп просил не показываться, пока не нанесет «визит». Но однажды утром, выловив возле дивана отчаянно дребезжащий мобильник, Цыплухин услышал голос Апанасова и внутренне дрогнул — тот ему никогда не звонил.

— Жоржик, миленький! — сказал Апанасов удивительно слащавым голосом. — Что ж ты меня забыл? Есть разговор, зайди, будь любезен...

Конечно, Георгий пообещал. А когда собирался, нарочно медленно одевался, искал запропастившиеся брюки, хотя отлично помнил, что оставил их в ванной. Единственное, что придумал, — позвонить Живолупу, но тот не взял трубку.

«Судьба, видимо, — думал Георгий, шагая, как обреченный. — Хотя, может, и обойдется! — бодро подумал он, уже дергая дверь подъезда. — Может, правда соскучился...»

10

— Ага! — сказал Апанасов. — Входи, герой! — и громогласно захлопнул дверь.

От такого приветствия у Георгия легкий холодок прошемыгнул между лопаток. В зале, куда он мельком бросил взгляд, проходя на кухню, сидела Аня, лениво ударяя по клавишам рояля, — звуки неслись странные, рваные и суетливые, словно паникующие. Она даже не взглянула в его сторону, лениво встряхнула волосами.

На кухне, закинув ногу за ногу, сидел Вьюн. Перед ним стояла табуретка, словно специально приготовленная для Цыплухина. Напуганному Георгию она показалась электрическим стулом. Апанасов кивнул:

— Садись.

Георгий сел. Ему стало нехорошо, голова закружилась.

— Ха-ха, — сказал Апанасов, подходя к подоконнику. — Кого-кого, а такую порядочную особь, как ты, я бы никогда не заподозрил в садизме. А тут раз — и обидел девушку. Вот так вот, значит, дядя Жорж, маскировался, а тут возьми и сотвори бесчинство! Девушка, забыв стыд и честь, является к вам, рассчитывая на вашу порядочность, а в ответ находит оскорбления и угрозы. Что же остается делать нам, ее друзьям?

Повисла нехорошая пауза. Вьюн заерзал на табуретке и хмыкнул. Похоже, происходящее его веселило. Георгий избегал смотреть на него, а тот пялил беззащитно черные глаза и улыбался так гадко, что Цыплухина продирала дрожь.

— Так вот, любезнейший, вы ошиблись, — продолжил Апанасов. — Несомненные грехи ваши вопиют к искуплению... Что вы можете предложить в качестве аванса?

Георгий молчал. Было слышно, как на оконном стекле завопилась муха.

— Сатисфакция неизбежна, — глухо сказал Апанасов. — Даже не сатисфакция, а расчет, — и вдруг рванул с места, подхватил Цыплухина за лацканы пиджака, взвил его вверх — как былинку хватает ветер, прижал к стене. Глаза, чистые-чистые, злые и ясно-голубые глаза вжали Георгия в стену.

Подскочил Вьюн. В его руке ожил нож, лезвие словно само выскочило и прижалось к шее Цыплухина.

— Ты продал нас, гнида, — проревел в самое ухо Апанасов. — Я все знаю... И продал-то дешево, как на блошином рынке. Хоть бы цену-то узнал! Колись, ну!

— Что? — пролепетал Георгий.

— Не сознаешься?! — оглушил Апанасов и потащил Цыплухина к столу. Бросил его руку на разделочную доску, как кусок мяса.

— Ребята, может, в ванной? — в дверях показалась Аня с сигаретой. — Все стены ведь перепачкаем...

— Сойдет и здесь, — утвердил Апанасов, крепко навалившись на Цыплухина дородным телом. — Вьюнок, хороший мой... Отрежь-ка ему указательный, чтобы он им больше в честных людей не тыкал, чтобы не стучал больше, помнить будет...

— Нет, — тихо сказал Георгий. Он рвался и плакал.

Вьюн уже ухватил его руку, как хватают выброшенную на берег рыбу.

— Ты продал нас, — снова сказал Апанасов. — Продал ведь? Погоди, Вьюнок... Ну скажи, мальчик, зачем же мучиться. Мы знаем, что ты не со зла. Большой злой дядя задавил, угрожал, пересилил. Нам от тебя малость-то и нужна — чтобы сознался, прощения попросил у нас, у Анечки, на коленях постоял...

Цыплухин рванулся, но Апанасов удержал.

— Что же, стыдно тебе? Ничего, привыкнешь. Ты отныне мой раб, все мои желания исполнять будешь. Не хочешь? Так говори, голубь, а то больно будет. Вон Вьюнок еле сдерживается, а он, знаешь, как кровь любит, ему день без крови что дитю без шоколада. Ну, откройся же нам, мальчик!

И Цыплухин рассказал. Как купил его Живолуп на банальный фокус... Как он продал их, рассказал про атаку на пост... Как Живолуп собирался прийти сюда...

— Наказать тебя надо, мальчик, — ласково сказал Апанасов. — Вьюнок, давай...

Нож заплясал по доске, глухо ударяясь в дерево острием, между отчаянно растопыренными пальцами Цыплухина. Вьюн бил быстро, словно гвозди забивал, так

быстро, что у Георгия захолонуло дыхание, и он уже не знал, где он, сколько пальцев у него осталось, не отсекали ли их все, успел подумать, что в таком состоянии боли бы не почувствовал...

— Простите, — бормотал он, бессильно опадая на стол, а Вьюн скалился и бил снова.

— Промахнуться, что ли? — смешком бросил он, но Апанасов прервал его:

— Ладно. Хватит...

Георгий сполз на пол. Его мелко трясло, пока он ощупывал руку. Пальцы, дрожащие, непослушные, оказались целы.

— Ну а теперь, дружок, на колени...

— Нет, — прошептал Цыплухин и ухватился за ножки стола, готовясь обороняться. Отчаяние прибавило ему сил. Он глядел почти смело.

— Ох, смотри, воспрял капитан Жорж, — засмеялся Апанасов. — Ладно, обиженной принцессе облобызай ножки — и свободен... Анечка, подойди...

Цыплухин пополз к ногам Ани.

— Фу! — сказала она. — А ведь крутой какой был! Да не надо, брось! — вдруг переменяла она тон, когда Георгий ткнулся губами ей в туфлю. — Прекрати, слышишь? Довольно! Отпусти его! — повернулась она к Апанасову.

Но тот стоял, будто что-то обдумывая.

— А в дела взрослых ты не суйся, девочка, — наконец произнес тот. — Дяди сами поймут, как им быть. Ты скажи мне, крошка, — обратился он к Цыплухину, — ты как давно к гэбэ пристрастился? С кем еще, кроме клоуна живолупого, говорил? Ну! Не зли меня!

— Ни с кем, — прошелестел Георгий. — С ним одним...

— Ну ладно, не велика потеря, ты и не знаешь ничего. Тебя, впрочем, незнание не оправдывает. Но в твоём гадком положении есть одно смягчающее обстоятельство. Этот циркач, эта дурила в перьях, кукла — ведь он тебя развел, а ты и не услышал. Он же городской шут, твой Живолуп, брехун, авантюрист, Остап Бендер... Он везде, где появляется, новую историю рассказывает. Мне недавно предлагал устроить на работу принца Свазиленда, сулил миллионы. Представляется обычно профессором технического университета, но он и не профессор даже, так, преподаватель обычный, историю КПСС вел! Никогда он гэбэшником не был, а сочиняет, что во внешней разведке служил и вроде генерал подпольный... Он ко мне приперся вчера такой расфуфыренный, прямо с порога заявил, что я у него под ногтем. Я, разумеется, не возражал. Любопытно стало до ужаса! На кухню привел, кофейком побаловал. И что ж ты думаешь? Он мне все рассказал, не сразу, конечно, но все ж рассказал. Сидим мы с ним, курим, на звонки в дверь не отвечаем, и он уж думает, что купил меня дешевым манером, грозитя, а у самого кукиш с маслом в кармане, его же метод действует только на слабообразитые организмы. Дошло до того, что он мне кличку придумал — Театрал, у тебя ведь тоже погоняло было, Жоржик, не скромничай?

— Было, — глухо подтвердил Цыплухин.

— Да не расстраивайся, этот хлыщ многих в городе обаял, есть у него что-то якобы демоническое во взгляде... Так вот, я раскис, он меня уже, как марионетку, тянет во все стороны, а я поддаюсь. Задания мне сочинил... И тут я возьми и спроси: а как же насчет денег? «Каких денег?» — подивился он. Как он взъярился! Ты у меня, щенок, кричит, за сухарь будешь бегать, ты теперь червь, а я хозяин, захочу — раздавлю, какие деньги тебе, когда светят дальние расстояния не в один год, куда ты денешься?

«А раз нет денег, говорю, то и пошел вон». Он сперва опешил, моргает, чувствую,

ругаться хочет, а слова застряли. Не ожидал он такого, все вроде гладко шло... Тут я достаю молоток для отбивки мяса (вон он, на гвоздике висит) и говорю:

«Ну раз денег нет, а время я на тебя потратил, расплатишься подлой шкурой, выбью тебя, как отбивную...» Со стула его будто сдуло. Метнулся через коридор, как укушенный, насилиу догнал. А ты думал, он правда чекист? — нагнулся к Цыплухину, который слушал, затихнув. — Неужто не учуял подвох в его баснях? Хотя он ровно все излагает, не придерешься. Вдохновенно так. Говорят, сумасшедшие, когда хотят скрыть свой недуг, так натурально умеют врать, что не поверить нельзя. И он врет без единой запинки. Уникальный в своем роде человек... А как под лупой посмотришь — вошь! Поганая и нечистая! Догнал я его, словом, в коридорчике. Душно там, окна заперты весь день. Вломил ему, куда попал, слышу, с замком возится, только еще раз замахнулся — дверь распахнулась, он туда. А тут Вьюн как раз — чуть его не опрокинул, по лестнице как сиганул, я ему только пендель отвесить успел, для ровной скорости. Эх! Не переживай, Жоржик, и за тебя отомстил! И что поразительно: он правда был уверен, что меня шантажировать сможет! Угрозы у него такие потешные — я от смеха чуть в сервант не залез! «Ты, говорит, пожалейшь, что предложение сотрудничать отверг, я тебе слово даю — вот тут-то самый смех! — что доложу в контору, и соленая у тебя жизнь станет в самое ближайшее время». Ты представляешь, такую пакость несет! Будто я сопливый какой... Так что не переживай, Жорж, знатный я ему пендель отвесил!

Тут не удержался, подсмеялся и Вьюн.

— Я корки видел, — угрюмо сказал Цыплухин. — Он правда чекист...

— Дура он липовая, — ответил Апанасов. — А ты где отыскался такой вялый, ни за копейку тебя купил — приобрел даром. Еще если бы умный человек тебя выловил, а то пустобрех. Ладно, это дело сугубо личное, но оно стало общественным, когда ты нас сдал. Так что теперь мы тебя судить будем революционным судом. Нас тут как раз трое — я, Вьюн, Анька. Прямо анекдот! А ведь я Василий, только Петрович! — захохотал он.

Вьюн слегка подхихикнул, но и хихикал он как-то мрачно.

— Все это смех, конечно, — продолжил Апанасов, переждав немного. — Но что-то с тобой, Жоржик, надо сделать, чтобы ты больше не трепал, чтобы остерегался. Что бы такое сделать с тобой? Вот товарищ Вьюн предлагал простонародно тебе кишки выпустить в этой самой ванной. Метод, надо признать, действенный. Но чем-то претит мне этот метод, сам не пойму. Видно, нравишься ты мне, Жоржик. Ну, что скажете? Отпустим или оставим?

— Пусти его, — сказала из дверей Аня. Она стояла, скрестив руки на груди, наблюдая сцену. Ее обида прошла, а то, что происходило, ей вовсе не нравилось. Настроение у Апанасова колебалось, как парус под ветром. Вьюн же был тверд в своих намерениях. Еще до прихода Георгия он несколько раз повторял, что нельзя выпускать такую птицу на волю, что расщебечет она их секреты... Но Апанасов сказал: «Не трогать», и Вьюн подчинился. Он был в странной зависимости от Апанасова, слушался его во всем. Все знали, что у Вьюна темное не только прошлое, но и настоящее, что он ходит с ножом, что раздевает людей на тропинках обширного Центрального парка... Поговаривали, что и кровь есть на его сухощавых руках, которые никогда не были в покое, а всегда что-то теребили. Он был уверен, что Цыплухин — лишнее звено, случайно попавшее в их спаянную цепь, которое необходимо устранить. Он и раньше, этот мозглявый червячок, компьютерная душа, не нравился Вьюну. А как узнал, что тот продал их, продал хоть и впустую, но все же (Апанасову пришлось рассказать, зачем явился фальшивый чекист и за что спущен с лестницы), Вьюн немедленно предложил заманить предателя, чикнуть лезвием по

горлу, закатать в ковер и вышвырнуть в реку, где-нибудь на безлюдном мосту. Но Апанасов несколько раз повторил, что «в его квартире кровь не прольется», долго убеждал Вьюна, что если пропадет Цыплухин, то эта карта будет у Живолупа, он с нее ударит, снова придет с шантажом... Едва убедил. Апанасов, хоть и считался революционером, все-таки был интеллигентом и чурался крови. А для Вьюна все шло естественным ходом, он так и мыслил себе грядущее — сведение счетов со всеми, кто теперь в силе, опрокинутое величие власть предержащих, к которым он явится на будущий день после бунта. И странным казалось, что выявленного предателя, вящего труса, который не устоял, оставил идею — теперь щадить. Но он подчинился уму Апанасова, верил, что тот верно держит курс и обходит препятствия. Цыплухин, не зная, по какой тонкой проволоке он прошел, сидел на полу, уныло свесив голову, пока Апанасов не сказал:

— Поднимайся! Ну, кому говорю! Вьюн, чего он копается, поторопи его, что ли!

Цыплухин мигом вскочил.

— Дядя Жорж ни с кем больше о нас не заговорит... Верно я мыслю, Жорж? Теперь в коридор и катись на выход, и чтобы завтра как штык здесь, ты у меня рабом будешь, так сказать, на общественных началах. И поваром, и уборщицей, и сантехником, понял? А если надумаешь кому сболтнуть, везде сыщем... Все, свободен пока...

Цыплухин не помнил, как спустился по лестнице. Очнулся у дверей подъезда, свежий воздух оглушил его, булькнуло в груди, и он заплакал, как в последний раз плакал в детстве, когда обидели старшие ребята. Рыдания рвались безудержно, и он не сдерживал их. Его трясло, он ухватился за стену, стоял, содрогаясь. Еле-еле, потихоньку, стал успокаиваться, дыхание выровнялось. Он медленно побрел между раскидистыми лужами, густо устелившими двор. Почти дошел до подворотни, когда его потянули за рукав. Обернулся: Аня. Без своего обычного аляповатого красного шарфа и без пальто.

— Прости меня, — быстро проговорила она. — Я думала, они из-за меня, а они из-за себя... Ничего они бы тебе не сделали, Вася загодя сказал, что решил тебя просто поучить, в настроение ты ему попал. Тут еще Вьюн подвернулся. Это все он, Апанасов выпендривался перед ним, он его сам боится, а тебя пальцем бы не тронул. И у меня-то ума нет, что на это согласилась, но ты меня разозлил, прости...

Цыплухин молчал. Ни злобы, ни недоумения не было в душе. Было безразлично и тихо.

— Не приходи сюда больше, — сказала Аня. — Апанасов это так ляпнул, про слугу-то, он тебя отпускает, я знаю. Вьюн бы не отпустил, но он Васю слушается... А у Васки характер легкий, он над тобой поиздевается три дня, а потом забудет... Все, прощай!

Она обернулась и побежала к дому, и только тут Цыплухин заметил, что пошел дождь и лужи кипят от капель. Аня добежала до подъезда, махнула рукой на прощание — и захлопнула дверь. А Цыплухин стоял под дождем и слушал. Вокруг стало удивительно тихо, только шуршали капли в кустах сирени, от клумб веяло свежестью, струились по крышам, опадая в водосточные трубы, бегучие струи. Медленно двинулся Георгий в «келью, где вершатся умные мысли», — так когда-то Апанасов назвал его квартиру. Шел долго, под неожиданно теплым весенним дождем. А когда добрел наконец до своего дома, нарочно отправился по лестнице, чтобы вышло дольше, мимо почтовых ящиков, кое-где подожженных, мимо порожних пивных банок, оставленных на ступеньках, и вместо того, чтобы идти к себе, хотя ключи уже сжимал в ладони, позвонил в Софью квартиру.

Она открыла не сразу. Услышав ее скорые шаги, Цыплухин чуть не убежал, сердце колотилось. Но он пересилил себя, дождался.

— Кто?

Георгий назвался.

Она открыла в халате, с полотенцем на голове.

— В душе была, извини... Что ты хотел?

— Ты спала с ним?

Она помолчала.

— С кем?

— С Апанасовым, конечно...

— А... с чего ты решил...

— Так как?

— Нет, конечно... Ты чего, Гоша? Он же сумасшедший какой-то, зрачки прыгают. Он меня проводил до подъезда, вверх просился, а я уперлась. Руками полез, а даже пощечину дала. Он мне вслед матом орал, никогда со мной такого не было, напугал. Я тебе ничего не сказала, он же друг твой, думала, сам тебе рассказал...

Цыплухин прислонился к косяку и медленно сполз на пол, не слыша ни вопросов Софьи, ни ее взволнованного голоса. Счастливейшая из улыбок повернулась на его губы.

11

Георгий долго не мог успокоиться. Клеймо предателя жгло его. Ходил к дому Апанасова, видел, как вываливались из подъезда разухабистые ватаги, вешали на фонари белые флаги, а потом стреляли из пневматических пистолетов в фонарные стекла и погасили свет во всем квартале. Цыплухин не подходил к ним, держался вдалеке, выглядывал из-за стен домов. Показать перед бывшими товарищами в статусе проходимца и шпиона не смел. Завидовал им, оставшимся в этом блеске, в летящих и неуловимых событиях, на самом пике прогрессивного мира... Зато у него теперь была Софья. Он приходил вечером, выдохшийся от своих переживаний, и она отвлекала его. Вкусный ужин вошел в традицию, они гуляли вечерами в парке, и Георгий, смеясь, показывал места, где прежде стояли бетонные урны, принесенные в квартиру Апанасова. Цыплухин отвыкал от прежней компании, как отвыкают от сильного лекарства. Вживался в новый быт, в семейный уклад. Устроился на работу — в фирму, программистом. Удачно получилось, что можно было работать на дому. Выбрали месяц свадьбы, отправили заявление в загс на сайте государственных услуг. Все постепенно входило в спокойную колею.

О благородных целях и идеях оставленных им людей он старался не думать. Правда, так и не смог понять, как такие разные люди, как Апанасов и Вьюн, уживались под сенью единой цели... А цель была великая! Нужен стальной характер, чтобы дойти до конца. Есть ли он у Апанасова, а тем паче у Вьюна? Скорее всего, кто-то не выдержит, предаст... Предательство! Это слово звучало для Георгия как звонкая пощечина. Сознать себя предателем и жить дальше, преодолевая судороги совести... Уверять себя, что все вышло случайно и могло произойти с каждым... Потихоньку собирал сведения о Живолупе. Старый номер молчал. Открыв телефонный справочник, Цыплухин обнаружил телефон и адрес своего мучителя. Софья была на работе. Георгий взял нож из кухонного набора и вышел на улицу. Ветер нес по улицам сухую пыль. Идти было полтора квартала. Он дошел за пятнадцать минут. Потоптался у подъезда. Позвонил в домофон, но в другую квартиру. Откликнулся детский голос. Цыплухин сказал, что принес почту. Открыли. В подъезде чисто. На четвертом этаже ровно мигает под потолком лампочка. Вот и дверь. Звонок не нажимается — кнопка залипла. Наконец понеслась тугая трель. Тишина. Шорох за дверью. Вкрадчивый голос:

— К кому?

— К тебе! — грубо ответил Цыплухин.

Молчание.

— Вы уверены?

— Не ломайся, открывай!

Замок шелкнул. Дверь тихонько открылась. Цыплухин шагнул в квартиру.

Живолуп, приседая от страха, вжался в стену. Руки тряслись. В темном коридорчике, как рассмотрел Георгий, мебели совсем не было. Кухня, по правую руку, освещенная солнцем, была грязна. Не желая заходить туда, Цыплухин толкнул Живолупа дальше по коридору. Тот ступал и озирался. Вошли в гостиную. У стены продавленный топчан. Обои кое-где содраны, на стенах светятся черно-белым старые газетные полосы. Журнальный столик завален одноразовой посудой, перепачканной кетчупом и остатками пищи. Брезгливо оглядевшись, Георгий спросил:

— Как ты живешь в такой помойке?

Живолуп хихикнул. Это все, что осталось от него, прежнего, — скорый смешок. Они будто поменялись ролями. Теперь Георгий был хозяином ситуации, а Живолуп заранее проигрывал. Изумило Цыплухина то, что фальшивый «чекист» так безропотно принял новую роль. Совсем не удивившись приходу Георгия, словно ожидая его. Заметив в углу табуретку, Георгий сел. Живолуп поместился на топчане.

— Удивительно, — быстро заговорил он, — что пришли именно вы. Я ждал другого. Странно, но вас я в этой роли не представлял. Неужели передо мной прикидывались?

— Нечего базарить, — сказал Цыплухин и встал. Живолуп мог заговорить его, подsunуть разные аргументы. А это лишнее. Георгий ощупал в кармане нож — он был теплым. Палец то и дело наткался на острие.

Живолуп вскочил.

— Гнида, недоросток! — вдруг проревел он. — Думаешь, я дешево себя продам? — и рванул из комнаты, толкнув Цыплухина в грудь. Тот не ожидал атаки и пропустил противника. Чувствуя, как бегут секунды, Георгий ринулся следом. Тело его стало ватным, с трудом он уловил, что Живолуп нырнул в спальню и пытается запереть дверь. Но ключ сразу не повернулся, застрял, и Цыплухин всем телом ударил — распахнулась спальня, Живолуп отлетел к столу, ухватился за полки, висевшие на стене. Те не выдержали, посыпались вместе с книгами. Георгий снова толкнул — тот опрокинулся через стол, согнулся, вырвал из стола ящик, нашарил там нож и отскочил к балконной двери. Оскалившись, весь красный от напряжения, выставив вперед нож, тонкий, канцелярский, почти безобидный, он прохрипел:

— Куда ты лезешь, щенок? Тебе сопли не подтерли, а ты твякаешь...

Цыплухин, не торопясь, огляделся. Закрыв дверь. Достал из кармана большой кухонный нож, веско покачал на ладони. Живолуп перестал дрожать и смотрел на лезвие.

— Зачем я тебе? — проговорил он совсем другим голосом, почти плачущим. — Я старик... Грех на душу берешь. Ладно бы бандит зашел, да ты-то парень хороший, знаю. Подумай, как жить будешь.

Георгий подошел на шаг. Живолуп опустил свой нож.

— Скоро сам отойду. А тебе — грех. Знаю, что за дело пришел. Дело мое черное, гнусное. Только ты все равно отпусти. Его уже не вернешь. Сам не хотел — так вышло. Пощади, прошу. Хочешь, на колени стану?

И он стал сползать на пол. Но только Георгий двинулся, чтобы перехватить его, Живолуп рванул, оттолкнул ножом, ударил — и бежать. Георгий остановился. По

губам текла кровь. Пощупал — щека рассечена. Красная пелена застелила глаза. Рванул по коридору, догнал Живолупа, когда тот судорожно открывал дверной замок. Не везло ему — и этот заело. Георгий ударил — чем пришлось, вышло рукояткой ножа — Живолуп упал и затих. На затылке заалела кровь.

«Финита», — подумал Цыплухин и присел рядом. Потом встал, отыскал платок, прижал к щеке. Живолуп застонал. Георгий за ноги оттащил его в гостиную. На журнальном столике, под ворохом газет, заметил телефон. Снял трубку — гудки идут. Вызвал «скорую». Потом вышел из квартиры. Спустился вниз. Зашагал, не торопясь. Редкие прохожие удивленно поглядывали на его платок, пропитавшийся кровью. Чуть подташнивало. Голова кружилась. Уже отойдя порядком, он подумал, что ничего не понял из того, что говорил старик. Но это уже неважно — кровь смыла предательство. Георгий чувствовал себя другим человеком.

12

Чат, как всегда, переполнен посетителями. Цыплухин зашел туда просто проветрить голову, как иные ходят на прогулку. Заработался: целый день кропал заказанную клиентом программу.

С памятного вечера, когда он потерял сознание у дверей Софьи, прошло три месяца. Он очнулся на ее диване и не помнил, как она, хрупкая, сумела перетащить его. Ему было плохо, голову ломило, и она отпаивала его молоком с медом. Придя немного в себя, он целовал ее руки, а потом и до губ добрался незаметно, и домой не попал в тот день. Через неделю, окончательно перебравшись к Софье, он закрыл свой блог в Твиттере, заблокировал всех знакомых в социальных сетях, оставив только родственников, чтобы чужие люди не лезли в его счастье со своим любопытством. Последнее, что с ним случилось в прошлой жизни, — визит к Живолупу, человеку, толкнувшему его на предательство... и оставленному жить, хотя Георгий был в силах убить его. Отрекшись от прошлого, Цыплухин и новостей никаких не знал. А тут в чате, в котором не был так долго, что и сам не мог припомнить, сразу огорошила статья: «Еще раз об Апанасове». Некто под ником Елочка писал:

«И еще раз, братцы, об этом несчастном Апанасове или “получившем по заслугам Апанасове”, это уж как кто мыслит. Теперь мы знаем почти все, слава богам. Кто не в курсе — был тут один властитель дум молодого поколения, харизматичная, надо признать, личность. Потрясло юные умы то, что случилось в квартире личности, а именно — нашли того однажды холодным, утром одним несветлым. Что могу добавить к вышесказанному: завербовали его, как стало известно, еще в университете. Так что он сексот со стажем. Поэтому все ему сходило с рук, а мы дивились. Погоняло у него было Стражник. Тот, кто его сдал, сам никто, но связи в конторе имел. И сдал за личную обиду: Апанасов его с лестницы спустил — это покойник умел, духовитый был человек. Обидно тому стало, обиженному, и пошел он к отморозку Вьющенкову, который больной на всю голову, зверюга еще та. Апанасов такого расклада не ждал, встрепенулся, да поздно. Как там, что — я не знаю, да только опередили его...»

«Там другое было, — писал ник Василиск, а это (знал Георгий) была Аня. — Апанасов не ждал, не готовился. Что он на крючке — никто не знал. А этот жирный клоп, клоун Живолуп, как-то прознал. Он звонил Апанасову, грозил, но тот его послал. Думал, он к чекистам пойдет, а те его промоют. А он, мерзавец, пошел к Вьющенкову. Как он только про него узнал? Я же с ним говорила, с Апанасовым, когда в дверь позвонили. Погоди, говорит, сейчас открою, перезвоню. И открыл. А там Вьюн. Как назло, ни гостей у него, никого. Они долго, похоже, говорили на кухне —

вся пепельница в окурках. Я сама видела, это же я его нашла, у меня ключ был... Думал, видимо, Васенька, что уболтает... Но где там — эсэмэс такой изверг сидел напротив. Когда понял Вася, что не получается ничего, эс стал набирать под столом, даже отправить успел, но Вьюн догадался. Так и сидел он за столом, бедный, в руке телефон сжимал, на столе сковородка с яичницей, и вилка воткнута, а другая — в горле... В самую серединку попала, дыхание перебила, доктор милицейский сказал, что сразу умер Вася... А Вьюн-то умен, да не слишком: второй телефон Васин, дорогой, который на рояле лежал, забрал, по нему его и нашли, и взяли на трассе. Даже стрелял он в милицию, но недолго, живым забрали. Теперь кричит, что убийство вышло по политическим мотивам, что он ждет революцию, что дотерпит до нее, сколько бы ни пришлось сидеть, благо смертной казни нет... А мне... что теперь обо мне... Вася жениться обещал. Вот только и осталась память об Апанасове, что вилка, да ребенка я жду его. Прощайте, друзья, кто помнит, уезжаю из города навсегда...»

И тут вспомнились Георгию испуганные глаза Живолупа. Наверняка тот подумал, что пришел мститель, что кровь Апанасова вопиет к возмездию... Этот отчаянный, парализующий испуг предателя, как он знаком Цыплухину! И как он не угадал в Живолупе этого страха... Но какое счастье, что он не убил его! Теперь ясно, что Апанасов сам предатель и в этих запутанных нитях сложно найти верный путь.

— Готово! — сказала за спиной Софья. — Бегом, пока горячие!

Зачитавшись, Цыплухин не почувствовал теплый запах жареных драников, наполнивший квартиру.

— Иду! — послушно отозвался он.

— Что читаешь? — спросила она, заглядывая через плечо.

— Новости, — засмеялся он, — новости из прошлой жизни... — и закрыл ноутбук.